

З. И. ВЛАСОВА

Ерш Ершович. Возможные истоки образа и мотивов

Изучение сюжета о Ерше началось более полутора столетия назад, но нельзя сказать, что выработаны единые точки зрения на время, условия и среду, в которых возникла повесть, на смысл ее мотивов и образов, на отношения текстов, именуемых «повестью о Ерше», к сказкам с тем же сюжетом.

Время создания повести определяется как XVI (И. П. Сахаров, И. М. Снегирев, А. Н. Афанасьев, Д. А. Ровинский, а в наше время Н. А. Бакланова, В. В. Митрофанова) или XVII в. (А. Н. Пыпин, И. И. Шляпкин, Н. К. Гудзий, И. П. Лапицкий, В. П. Адрианова-Перетц, Л. Т. Романова — признавая наличие в текстах реалий XVI в.). В повести и сказках то видят «острую социальную сатиру на очевидное зло тогдашней русской жизни — насилие, беззаконие»,¹ то указывают на сглаженность социальной остроты,² осложненность балагурно-шутовским элементом. Разнобой в определении социальной принадлежности основных персонажей как будто подтверждает отсутствие социальной направленности и установок на обличение судебных порядков. Андреев видел в Ерше представителя служилого дворянства, а в текстах — «следы борьбы дворянства с боярством» (С. 553).³ Бахтина считает, что «в центре внимания — целый аппарат, взращенный классовым государством», суд, поданный «в определенном плане, увиденный глазами народа и несущий в себе его оценку» (С. 42). Несмотря на то, что «отчетливо просматриваются определенные типы с соответствующим местом в социальной системе», все-таки «даже варианты одной сказки не придерживаются здесь строгого правила и определенности, как в аллегории» (Там же). Адрианова-Перетц отмечала «странную неотчетливость» основного смысла повести и ее главного персонажа (Очерки. С. 129). Митрофанова же считала, что «социальное лицо тяжущихся определено довольно четко» (С. 167). Различие точек зрения и предлагаемых схем привело к тому, что многое и в сказке, и в повести остается непроясненным. Если Ерш — крестьянин, то ни один признак не

¹ А. Т. Романова считает, что в произведениях о Ерше отражена социальная лестница общественного устройства, а «хищническая фигура Ерша» воплощает «враждебную человеку силу». В финале она видит «расправу с ним народа»: Романова А. Т. Сюжет о Ерше Ершовиче в устном народном творчестве // Славян. филол. сб., посвященный V Международному съезду славистов. Уфа, 1962. С. 411—415. Далее в тексте: Романова, с указанием страниц.

² Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира. М.; Л., 1954. С. 146.

³ Расшифровку сокращенных ссылок см. в конце статьи в списке принятых сокращений.

подтверждает его мужицкой природы, а его бедность, скитальчество не соотносятся с озадачивающей заносчивостью, находчивостью и уверенностью в себе. Если Ерш — «закудальный дворянин» или «сынчишко боярский», то никак не объясняются его колкость, склонность к «баяню» басен и похвальным словам, бездомность.

По-разному трактовалось отношение сюжета повести к сказочному. Шляпкин, Пропп, Адрианова-Перетц, Костюхин считают, что сюжет мог иметь фольклорные истоки. Большая же часть исследователей полагает, что сказка возникла под влиянием литературной традиции, известной из списков повести о Ерше. Митрофанова считала даже, что сказка «утвердилась в устной традиции не путем однократного знакомства какого-то исполнителя с рукописной „Повестью“ и дальнейшего устного распространения этого пересказа, <...> а путем многократных встреч сказителей с рукописными текстами редакций» (С. 175). Выходит, что сказители, как невнимательные ученики с плохой памятью, многократно заглядывают в разные рукописи, чтобы усвоить сюжет? Ситуация нереальна даже для нашего времени (надо иметь под руками одновременно списки разных редакций), а тем более для XVI—XVII вв. Такое объяснение не соответствует и качествам профессиональных сказителей, какими они представляются по работам сказковедов по материалам XIX в. Вывод, предложенный Митрофановой в ее содержательной в целом статье, на наш взгляд, неубедителен.

Ни один из писавших о Ерше, кроме Бахтиной и Костюхина, не обратил внимания на уникальность сюжета, алогичность его основы, нехарактерность для сказок о животных. И «сказкой», и «повестью» назвать тексты о Ерше можно только условно. Это не повесть и не сказка, а «небылица в лицах, найденная в старых светлицах, заверченная в черных тряпицах» (Даль. С. 979): в основе сюжета — небыличный мотив говорящих рыб. Сказанное позволяет еще раз обратиться к этому весьма своеобразному произведению рукописной и устной традиции и рассмотреть его с учетом некоторых историко-этнографических и фольклорных данных, которые ранее не привлекались.

* * *

Как известно, существовало 29 списков повести о Ерше и 32 сказочных текста, не считая фрагментов, не полностью, надо полагать, выявленных и учтенных в фольклорных фондах и архивохранилищах страны. Из 29 списков в настоящее время шесть (по счету Романовой — пять) утрачено.⁴

Из 32 сказок пять представляют почти идентичные варианты либо перепечатки.⁵ Специалистов озадачивало отсутствие единой последовательности в развитии сюжета и составляющих его мотивов и в сказках и в повести. Отсюда большая разница в классификации по редакциям. Шляпкин

⁴ 1) Рукопись Ляликова, 2) текст Сахарова; его подлинность подтверждается близостью к тексту Ляликова и мотивам устной и рукописной традиции, что не исключает вмешательства в текст на уровне, присущем переписчикам; 3) список из «Киевских университетских известий» (1907. № 9 — ГПБ, № 1954); 4) список, частично процитированный И. П. Петровым (БАН Укр.ССР, № 471); 5) список из собрания Е. В. Барсова (ГИМ, № 2007, утрачен в 1934 г.); б) список ГПБ — О. XVII. 37, от которого сохранилось несколько фраз.

⁵ Конашков-Карелия; Гура, № 8-Волог. С. 244; Ровинский, № 173-Аф., № 556; Пинега, № 25-Рожд., № 72; лужс. — самозапись И. К. Смирнова, он с незначительными разночтениями повторяет текст, записанный от него А. Н. Лозановой (ИРЛИ, Р. 5, к. 105, п. 11, № 36). «Судное дело Ерша с Лещом» Шергина представляет обработку популярных мотивов из северных и северо-восточных вариантов сказки о Ерше, но озеро у него не Ростовское, Кубенское или Ладожское, а Онежское, что не характерно для рукописной и устной традиции.

считал возможным установить только два извода, но тогда известный ему объем материала был меньше (С. 384). Адрианова-Перетц сгруппировала списки повести в четыре редакции (Очерки. С. 129). Архетип она видела в первой и частично второй редакциях, хотя считала, что полностью он не покрывается ни одним из списков. В 1954 г. в связи с обнаружением новых списков ею был изменен состав первых двух редакций и характеристика архетипа. Романова предложила 6 редакций, исключив 5 утраченных, и предложила ввести в научный оборот текст Сахарова (Романова. С. 412—413). В последующих работах за основу принималась классификация Адриановой-Перетц с учетом позднее внесенных ею же поправок. Она принята и в настоящей статье.

Нельзя сказать, что в специальных работах о Ерше специфика произведения во всем разнообразии и сходстве его компонентов изучена исчерпывающим образом. Лишь Шляпкин обратил внимание на необычность сюжета и высказал предположение, что повесть создана на основе отдельных скоморошских пародий, причем две из них (шуточные челобитные) опубликовал вместе со списком (С. 396). Адрианова-Перетц отметила сходство стиля 4-й редакции и некоторых сказок, где полностью выдержан «скомороший яsak» (Рус. сатира. С. 136—137). Митрофанова выделила среди сказок о Ерше три текста: костромской, вологодский и старорусский, по поводу которых заметила: «Возможно, что все три текста — фрагменты какого-то скоморошьего варианта сказки про Ерша, веселой, задорной, состоявшей из цепи эпизодов» (С. 174).

Указывая на возможную зависимость некоторых текстов от художественных традиций скоморохов, исследователи не подкрепили своих предположений конкретным анализом или какими-либо иными доказательствами, хотя такой анализ мог бы прояснить некоторые особенности произведений о Ерше. Имелись ли какие-либо социально-экономические причины, которые могли бы послужить стимулом, чтобы привлечь внимание «веселых» к судебным порядкам, причины, как-то затрагивающие и их цеховые интересы? Это одно из первых условий возможного зарождения сюжета о Ерше в скоморошьей среде.

Документы свидетельствуют, что, наряду с постоянными укорами отцов церкви, дискредитирующими искусство скоморохов, их контакты с населением ограничивались и сокращались начиная с XIV—XV вв. территориальными запретами, которые касались прежде всего бродячих скоморохов. Удельные князья запрещали им играть в монастырских селах, «бобровых» деревнях, появляться без специального приглашения и просто «играть сильно». ⁶ Обычно рекомендовалось скоморохов «высылать вон беспенно», но в некоторых случаях разрешалось «бить да ограбить», а пригласивших их крестьян подвергать штрафу. ⁷

⁶ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. С. 62, 122 (далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц). См. также: Попов А. Н. Пиры и братчины // Архив юридических и исторических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1854. Т. 2. С. 29—30.

⁷ В 1555 г. игумен Троице-Сергиевского монастыря Иоасаф в приговорной грамоте от 31 октября не просто запрещает пускать на земли монастыря скоморохов, а рекомендует более жестокие меры: «На сте человек взяти пени 10 рублей денег, а скомороха или волхва или бабу-ворожею, бив да ограбив, да выбити из волости вон» (ААЭ, 1, 267). В. Борисов приводит случай, происшедший в с. Дунилово, где приказный Крюков ограбил четырех скоморохов, «вымучив» у них 37 р. (Борисов В. Описание г. Шуи. М., 1852. С. 451—452). Известен эпизод расправы со скоморохами протопопа Аввакума; в XVII в. начинается «эпоха репрессий» по отношению не только к скоморохам, а ко всему народному обрядовому комплексу, но начало ее восходит к некоторым документам XVI в.

Наказанием для лиц, нарушивших запрет, было стояние перед князем или его дворецким. Так, в 1522 г. великий князь Василий Иванович, освобождая Углицкий уезд от всяких пошлин и суда наместников, добавляет в грамоте: «...а учнут скоморохи играти, и яз тех велел имати и давати на поруки и ставить перед собою, перед великим князем» (ААЭ, 1, 140; ср.: 152, 180, 185, 207). Из грамот формула «поставить перед», видимо, проникла и в судебный обиход. Не случайно ее появление в списках повести и сказках о Ерше. Она могла быть внесена в тексты не судебными чиновниками, а хорошо знакомыми с ней скоморохами: «И поставили сельдь перед судьями» (Ровинский); Ерш: «Я готов перед суд стать, ответ дать» (БАН, 458, 216).⁸

Оседлые скоморохи тоже терпели от судебных тяжб из-за земли. Когда отдельные дворы, принадлежавшие монастырям, разрастались в целые слободы, домишки того или иного скомороха оказывались на монастырской земле, а если церковь расширяла свои владения, то на церковной.⁹

Переписные книги показывают, что местами пребывания оседлых скоморохов, владевших нередко каким-либо дополнительным ремеслом, были посады и пригородные слободы. Исключение составляли те, кто принадлежал Потешному двору великих князей или боярам. Различные свидетельства дают картину достаточно интенсивной жизни скоморошьего искусства в XVI в.¹⁰ Грамота 1505 г. рисует выразительную картину празднования Ивана Купалы в Пскове: «Мало не весь град взмается и взбесится: бубны и сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием <...> стучать бубны и глас сопелий, и гудеть струны...».¹¹ К середине, а тем более к концу XVI в. такого размаха народных празднеств, возможно, уже не было, но отдельные свидетельства указывают на участие скоморохов в жизни городов. Так, при осаде в 1580 г. г. Торопца Стефаном Баторием торопчане сами зажгли посад и укрылись за городскими стенами. Один из скоморохов не решился взять ручного медведя в переполненный народом город и оставил его в амбаре на дворе. Кто-то из воинов забежал в амбар, принял в темноте гремевшего цепью медведя за коня и хотел вывести его, но был подмят зверем. Поляки, услышав рев и крики, вбежали и убили медведя.¹² В такого рода воспоминаниях оживает быт посадов средневековья, в котором так

⁸ Позднее, когда формула стала анахронизмом, появились искажения (не «поставить перед», а «поставить») — Ляликов. С. 292). В поздних записях эта формула исчезает.

⁹ О скоморохах, живших на церковных и монастырских землях и бедствовавших, см.: Писцовая и переписная книги по Нижнему Новгороду. СПб., 1896. С. 130, 140, 143, 163, 279. Когда царь Алексей Михайлович возвратил Успенскому Хлыновскому монастырю его земли, то повелел выселить на посад скомороха Данилку Ларивонова «з детми и с братьею, и с племянники, и со внучаты» (Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1906. Вып. 3—9. С. 6—7). Но подобные указы и распоряжения не всегда выполнялись. В 1544 г. в с. Медно, вотчине Троице-Сергиевского монастыря, жили Митюк-скоморох и Мартынок-смычник, а в 1594 г. — скоморох Иванов Иванко (Рубцов М. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв. // Старица. 1905. Вып. 2. С. 20). Известны случаи, когда скоморохи жили непосредственно в монастырях и даже в монастырских кельях (Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 70). Это доказывает только, что территориальные притеснения им были хорошо знакомы.

¹⁰ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889; Финдейзен. С. 149—151.

¹¹ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 12.

¹² Дневник Луки Дзялынского // ЧОИДР. М., 1897. Кн. 1. То же: Торопецкая старина: Исторические очерки г. Торопца с древнейших времен до конца XVII века / Исследование Ивана Побойника. М., 1902. С. 324—325. См. также: Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975 (глава «Искусство скоморохов»); Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Государственный Ярославско-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: Краеведческие записи. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 89.

или иначе, но обязательно участвовали скоморохи. Как следует из обличений отцов церкви, календарные празднества начинались музыкальными выступлениями скоморохов, собиравшими население: «Аще убо гусельник или плясец или кто ин от сухих на игрище призвет град, со тщанием вси текуть и благодать ему звания воздают».¹³ С установлением «эпохи репрессий» (А. М. Панченко) в XVII в. и появлением документов, направленных против всех возможных проявлений народного искусства, у скоморохов появились более серьезные основания для высмеивания судебных порядков. Скоморохи вынуждены были уходить на окраины государства, пополняли ряды наемных половников, горнозаводских рабочих, артели бродячих ремесленников, вливались в шайки Волжской и Камской вольницы.¹⁴ Возможно, уход известных профессионалов из области народного искусства стимулировал стремление грамотеев к записи их произведений, сохранивших даже после многих переделок и переписок печать скоморошских традиций. Адрианова-Перетц считала, что возникновение сатирической литературы XVII в. определялось населением посадов (где, добавим, знали и помнили выступления скоморохов).

Итак, территориальные ограничения, во множестве отраженные грамотами XVI—XVII вв., как и земельные тяжбы, были исторической чертой жизни эпохи и касались непосредственно скоморохов.

Второе немаловажное обстоятельство для выяснения среды, где возник сюжет о Ерше, — географический регион. Наиболее решительно ответила на этот вопрос Бакланова, обосновав гипотезу, высказанную еще Б. фон Эдинггом, что повесть написана в Ростове. Место ее действия — Ростовское озеро, о рыбных богатствах которого хорошо осведомлен автор.¹⁵ В последующей литературе выдвинутая гипотеза не подвергалась критике, но она не объясняет появления в ряде вариантов и списков Кубенского и Ладожского озер. Художественную специфику текстов не подтверждает предположение, что автор — «из состава административного канцелярского персонала Ростовской Рыбной слободки». Судебная терминология списков повести не столь специфична, сколь традиционна и вполне могла быть известна в общественно-бытовом обиходе эпохи. В географической номенклатуре Ростовского края можно найти подтверждение этой гипотезы, если конкретизировать возможную среду возникновения сюжета о Ерше как скоморошью. Обширное некогда Ростовское княжество со временем все больше дробилось на уделы, что отразили и пословицы: «В Ростовской земле князь в каждом селе», «У семи ростовских князей один воин».¹⁶ Поскольку у князей были свои «потешные», скоморохи густо заселили край. После Новгорода с его «пятинами» нет ни одного региона, который мог бы соперничать с Ростовом по количеству названий, в которых отразилось пребывание скоморохов: реки Здеринога, Веселуха; села и деревни: Байки, Басенково, Бряково, Бубново, Вертково, Вертлово, Вертлюгово, Веселково, Гологузово, Гудилово, Гудово, Дуденево, Дудки, Дудкино (4), Игрища (5), Игрищички (2), Каликино (7), Пищалкино, Пищальники, Пищулино, Потешки, Рылово (5), Скоково (7), Скрипино, Смыково, Сопелки, Трубино, Трубниково, Утехово, Харино (6), Харинская (3), Чудинка, Чудиново (8),

¹³ Жмакин В. И. Русское общество XVI века. СПб., 1880. С. 51.

¹⁴ Об участии скоморохов в грабительских набегах Камской вольницы см.: Древняя Российская Вивлиофика, изданная Н. Новиковым. М., 1789. С. 169. Прочитано впервые П. С. Богословским в его книге: Песня об Усах из сборника Кириши Данилова и Камская вольница. Пермь, 1928.

¹⁵ Эдинг Б., фон. Прошлое Ростова Великого // Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 12—14.

¹⁶ Иванов В. Н. Ростов. Углич. М., 1975. С. 7.

Шумилово, Шумихино.¹⁷ Перечень этих названий дает представление о богатстве и разнообразии скоморошьего ремесла.

О древности местных народных традиций говорят и элементы язычества, сохранившиеся в топографии и устной поэзии. В XIX в. в Ростовском уезде сохранялись названия «Велесово капище», «Велесово дворище», «Велесов камень», «Ярилово капище» и другие, а в частушках пели: «Пойдем, подруженька, Поклонимся рябинушке сухой, Не избавит ли рябинушка от славушки худой».¹⁸ Предрассудки и суеверия ростовчан отличались большим своеобразием.

Древностью и оригинальностью мотивов славилась храмовая и городская архитектура Ростова. «Языческие мифы славян и славянизирующей мери упорно противостояли насаждаемому христианству, что привело в XI—XII вв. к сложности древних художественных образов, сохранившихся в Ростове, благодаря его окраинному положению».¹⁹ Высокий уровень местных культурных традиций поддерживался литературными традициями. В XIII в. в Ростове была своя живописная школа, первое и единственное на севере училище, где 10 лет воспитывался и обучался известный впоследствии просветитель Стефан Пермский. Георгию Скрипице, «нищему вдовцу, попу г. Ростова», принадлежит ценный литературный памятник «Послание собору 1503 г.», обличающий пороки князей церкви и написанный ярким полулитературным, полународным языком.

Как известно, Ростовское озеро и земли при нем были постоянным предметом земельных тяжб между князьями и Троице-Сергиевским монастырем, в которые так или иначе втягивались жители. Рыболовная слободка, поставлявшая некогда рыбу «на дворец» и на ростовского митрополита, к началу XVII в. почти прекратила свое существование.²⁰

Третьим благоприятным обстоятельством, указывающим на возможное возникновение сюжета о Ерше в скоморошьей среде ростовского региона, было своеобразие фольклорных традиций, отмеченных влиянием скоморошьего искусства.

Именно в Ростовском уезде и соседних с ним с наибольшей полнотой сохранились знаменитые «срамные» и «смешные» свадебные указы, отражавшие влияние скоморохов и в содержании и в манере исполнения.²¹ Уцелели редкие для северо-востока названия свадебных чинов: «приворотник» следил за лошадьми свадебных гостей, берег их и убирал сбрую; «прикалитник» отвечал за пропуск на свадьбу «глежан»; «подвезиха» — кучер молодоженов; «гвоздарь» распоряжался бочонком с пивом, т. е. был «у гвоздя». Самобытны и зрелищно красочны формулы свадебных приговоров: «Стары старики, широки кадыки, чесаные головы, масляные бороды» и пр.²² Скомороший характер имеют известные комические диалоги на тему «Что нового в Ростове». Записанные в Архангельской, Вологодской и Казанской губерниях, они представляют собой цепь небылиц, где есть и

¹⁷ Титов. С. 170, 309, 312, 446, 512 и др.

¹⁸ Эдинг Б., фон. Прошлое Ростова Великого. С. 12.

¹⁹ Вагнер Г. К. Древние мотивы в домовой резьбе Ростова Ярославского // Сов. этнография. 1962. № 4. С. 35.

²⁰ Книги Ростовские дозорные 1619 г. // Дозорные и переписные книги древнего города Ростова. М., 1880. С. 5.

²¹ Бломквист Е. Э. Свадебные указы Ростовского уезда: (К вопросу об отражении сюжетов лубочных картинок в современном крестьянском быту) // Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2—3. С. 103—111; В л а с о в а З. И. Скоморохи и свадьба // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. С. 30—31.

²² Титов А. Д. Крестьянская свадьба Даниловского уезда Ярославской губернии // Ярославский край: Сб. 2. Труды секции краеведения. Ярославль, 1930. Т. 3, вып. 2. С. 176 и след.

плавающие жернова, и посеянная на печи пшеница, и такой огурец, что в нем пропал жеребец, а капуста — «один кочешок закрыл весь городок». В последних небылицах в шуточной форме отразилась слава ростовского земледелия и огородничества, при котором использовался плодородный ил озера Неро. Особого внимания удостоена женитьба ростовского архиерея. Он упомянут и в известной «Калязинской челобитной» и, по-видимому, служил некогда объектом скоморошских шуток. Сама форма комического диалога «Что нового в Ростове» позволяет допустить, что сохранением в народной памяти он обязан тому периоду, когда его разыгрывали в виде сценки, дающей большой простор для импровизации.²³

Сценку выступления скоморохов на Ростовской земле запечатлела и плясовая песня начала XIX в.: «Ах, суздальцы, владимирцы! Когда ваши жены именинницы? Поплясать [бы], поскакать с колокольчиками, С колокольчиками, с балабольшими» (Сах. С. 217).

В Ростове, как известно, трижды правил князь В. Ю. Шемяка (1428, 1430—1435, 1462), пока не был изгнан Василием Темным. В волостном центре с. Воржа был и терем Шемяки. Местное предание утверждает, что само название села идет якобы от тех времен; когда у крестьян исчезли дочери, говорили: «Во ржи княжой». Возможно, здесь возникли устные истоки мотива, послужившего основой повести о Шемякином суде.

Рассмотренные факты допускают правомерность гипотезы о возникновении сюжета о Ерше в скоморошьей среде Ростова.

В текстах повести и сказках (Аф. № 77, 79 и др.) упоминается не Ростовское, а иногда — Кубенское или Ладожское озера, у Ончукова — Ерепово (Онч. № 1), у Крюковой — Белое море, у Конашкова — Корбозеро. Если три последних названия можно объяснить искажением по забывчивости или происхождением самих сказочников из указанных мест, то упоминания Кубенского и Ладожского озер также могут быть отражением скоморошьей традиции.

Кубенское озеро Вологодской губернии славилось рыбными запасами. Право ловли на нем предоставлялось всем беспопытно. Его имели также монахи расположенного на острове монастыря (построен в 1481 г.). По всему Кубенскому заозерью были торжки, по воскресеньям и в с. Егорьевском ярмарки, а в с. Кубенском ярмарки бывали по четвергам.²⁴

И ссылаемые в Вологду князья и бояре, и на долгое время уезжавший в Вологду царь брали с собой челядь, в составе которой несомненно были и скоморохи. Когда известный Иван Неронов, покровитель и идейный вдохновитель протопопа Аввакума, еще юношей оказался в Вологде во время Рождества, он наблюдал, как «неразумные людие обыкоша собиратися на бесовская игралища..., налагающе на лица своя личины различныя страшныя по подобию демонских зраков». Неронов обнаружил такое игрище

²³ Записан в 1920 г. учительницей Л. Н. Смирновой в Воробьевском сельсовете Сокольского района Вологодской области (бывший Кадниковский уезд) и сохранился в копии среди записей И. В. Ефремова, записывавшего там свадебный обряд в 1971—1973 гг. Поскольку хронологически это одна из последних записей диалога, приводим его не полностью: « — Брат, челом! — Брат, здорово! Где был? — В городе Ростове. — Что в г. Ростове делается? — Все старо по-старому, вновь вроде бы ничего. — Я слышал, что в Ростове архиерей женился? — Я слышать не слышал, а шел мимо архиерейского двора: коровы оседланы, свиньи занузданы, у куриц хвосты подвязаны. Надо быть, женится. — А я, брат, поверю. — А я, брат, не солгу» (Выписка из личного архива И. В. Ефремова. Тетрадь с вологодскими записями № 3, л. 24 и вкладыш. Ср.: Гура, № 66; Мож. С. 117; Мезень. С. 311—312).

²⁴ За с е ц к и й А. А. Исторические и топографические известия по древности России и частно о г. Вологде и его уезде. М., 1782; Арсеньев в Ф. Очерк Кубенского края // Вологодские губернские ведомости. 1863. 12 янв. № 10. С. 31; Железняк В. Вологда. Вологда, 1963. С. 64.

в доме самого архиерея, начал усовещивать присутствующих, был избит и выброшен на дорогу.²⁵ Влияние скоморошских традиций достаточно явно сказывается в произведениях вологодского фольклора. Вологда предстает иногда настоящим скоморошским городом, где «шапка смеется, колпак говорит», где «мосты калиновые, перекладины малиновые».²⁶ В одном из комических диалогов (запись Н. И. Иваницкого в Вологодском крае) есть эпизод: «Однако, брат, нездорово. — А что? — Да ведь старшего-то брата повесили <...> — Да за какую винищу-то? — Походил в церковицу, украл книгу стихарницу, книгу хлопотурницу. И это-то все бы еще ничего, да леший сносил на колоколицу — спихнул там кыркуна!» (Гура, № 63).²⁷ Особый жаргон диалога, ритмичность речи указывают скорее всего на авторство скоморохов, как и сама форма диалога — на сценическое его исполнение.

Не случайно и упоминание Ладожского озера. Еще Олеарий описал двух скоморохов, явившихся послам в Новой Ладоге. Они пели и сами себе аккомпанировали и плясали, изображая то пляшущих женщин, то мужчин.²⁸ Видимо, не случайно А. Ф. Гильфердинг нашел певца былин именно в Новоладожском уезде Петербургской губернии. Некогда это были земли древнего Новгорода, славившегося мастерством своих скоморохов.²⁹

* * *

Гипотеза, что основой для создания сатирической литературы XVII в. послужило творчество скоморохов, обитавших в ремесленной посадской среде, высказывалась неоднократно. И. П. Лапицкий писал об этом и считал возможным допустить, что, хотя в повести о Шемякином суде «нет никаких примет „скоморошьяго ясака“, т. е. уснащенной прибаутками ритмичной и рифмованной речи, но мы имеем здесь в виду не стилистическую манеру скоморохов, а „идейное“ влияние позднего скоморошества на автора повести „Шемякин суд“» (Лапиц. С. 328—374).

Несколько иная картина вырисовывается при анализе текстов, воплотивших сюжет о Ерше. Рифмованность и ритмичность повествования указывают на сказовую манеру исполнения, обилие устойчивых и остроумных эпитетов-характеристик разных рыб, формулы пословичного типа, грубоватые по форме, — на стиль скоморохов, количество диалогов в повести — на возможность сценического исполнения ее в прошлом.

Шляпкин обратил внимание, что сюжет о Ерше имеет общие мотивы с византийской легендой о рыбах. Суть ее в следующем: зубатка и судак донесли царю рыб Киту, что макрель (чирок) замыслила недоброе. Кит велел отрезать ей бороду и проклял, сказав: «Ты останешься во рту бедняков, о Чир, и цена тебе будет грош, и ты не ускользнешь от пинков и растирания ногами, о Чире, Чире!» (притча объясняет, почему у макрели нет бороды). Шляпкин считал, что она возникла на той ступени животного эпоса, когда создавались шуточные аналогии между людьми и животными, без нравоучений, привнесенных позднее литературой. По его мнению, такие

²⁵ Материалы для истории раскола. М., 1875. Т. 1. С. 246—247.

²⁶ Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким. Вологда, 1960, № 595.

²⁷ Вариант этого текста знал П. И. Якушкин. Известный актер и рассказчик И. Ф. Горбунов вспоминал, что на вопрос, за что его ссылают, Якушкин пошутил: «У Георгия копытки ободрал, с колокольни ревуна спихнул. Дело-то небольшое, а суд-то строгий» (Соч. П. И. Якушкина. СПб., 1984. С. 167).

²⁸ Россия XV—XVI вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 298.

²⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 18—19. Далее: Гф.

произведения ведут начало от первых наблюдений и сопоставлений людей и животных (Шляпкин. С. 383). Возможно, что это этиологический анекдот. Происхождение этого вида анекдотов связывают с процессом мифологических объяснений мира и природы. Как и фольклор в целом, это часть духовного опыта человечества, опыта, вобравшего и суеверия, и точные наблюдения (Костюхин. С. 139—144).

Исследователи сюжета о Ерше либо игнорировали указанную Шляпкиным параллель, либо отвергали без мотивировок, как это было принято в науке не столь уж давно. Возможно, причина этого та, что до начала XX в. не были известны сказки о Ерше, где судьей или царем предстает Кит, за исключением одной, не считая и «Конька-горбунка» П. П. Ершова, объединившего популярный мотив Кита, превращенного в мост, с элементами сказки о Ерше (Кит — царь, его помощники — осетры, советник — сом, писарь — лещ, рак скрепляет указ печатью, ерш дерется с карасем). В известных списках повести о Ерше упоминаний про кита нет. Общее с византийской притчей Шляпкин видел в выборе главного персонажа (греч. чирос — чешское *jejes*, древнепсковское *eroш*, общерусское *ерш*) и в мотиве подачи челобитной в рыбий суд; кроме того, «одинаков привод на суд ответчика и свидетелей; там чирос прокликает зубатку, здесь ерш плюет судьям в глаза; там чирос не уйдет от бедных и цена ему будет грош, и здесь ерша едят только яржики» (С. 384).

Последний из указанных мотивов имеет достаточно близкие аналогии в списках повести: «У кого [с]лучитца одна полушка, и он на ту полушку купит ершев, половину съест, а другую расплюет» (Ляликов. С. 293) или: «Купят ершей на полушку да половину разбросают, а другую выплюнут, а остальное выплеснут под ноги да собакам дают есть» (Лапиц. С. 287).

Итак, небылица о говорящих рыбах, заключенная в основе сюжета, может иметь источником литературную притчу, проникшую в народную и скоморошью среду, поскольку процесс синкретизма книжной и устной поэзии, как справедливо заметил Шляпкин, достаточно запутан. Однако сопоставление еще не решает вопроса генезиса сюжета, хотя факт византийского влияния в фольклоре русского средневековья не исключение, а стоит в ряду других, подобных же. Сюжет с образом правителя Кита имеется в двух сказках: вологодской (Смирнов. № 29) и старорусской (ИРЛИ, Р. V, к. 105, п. 9, № 53), а также во фрагменте «Белорыбица-Сулá», записанном в Донском казачьем районе (ИРЛИ, Р. V, к. 69, п. 37, № 3). К сожалению, исследователям остались неизвестны варианты, которые знал автор «Конька-горбунка» П. П. Ершов. Стиховой склад донской небылицы, упоминающей «Китово правленьице», имеет черты позднего исполнения: в лексике, наряду с элементами северо-восточного диалекта (*чебак* — арх., волог., пермс., сиб., южноуральс. название леща и других рыб этой группы) есть слова *слуги*, *прошеньице*.

В византийской притче мотив иносказательности почти отсутствует: «Ты останешься во рту бедняков, о Чир». В повести о Ерше мотив — «его знают в Москве», раскрываемый в двух аспектах, содержательно более емко и допускает иносказание, если исходить из гипотезы, что в образе Ерша скрыты некоторые черты скомороха: его знают богатые и бедные, вопрос в том, в чьей голове остается сказанное им.

Небыличная основа сюжета притягивает один за другим мотивы небылиц, развертывающие и усложняющие композицию. Небылица заключена в самохарактеристике Ерша, рисующей его в период благоденствия. Он был «как мясное бычище»: «бока его терлись о берега реки, хвост был как большого судна парус» и пр.

Небыличные мотивы чрезвычайно многообразны в фольклоре каждого народа и включают в себе приметы какой-то древней стадии в развитии художественно-поэтической системы фольклора.³⁰ Существование небылиц в русском фольклоре издавна связывается с искусством скоморохов. В повести и сказках о Ерше мы обнаруживаем фрагменты этого особого типа художественности: абсурдность формул, ритм отдельных эпизодов, характеристики, их повторяемость по законам сказочной поэтики, но нехарактерность для языка сказок в записях XVIII—XIX вв.

Сказка о Ерше во всех ее вариантах не типична для животного эпоса, для сказок о животных в особенности, по ряду признаков. В ней нет присущих последним простоты формы и языка (см.: Бахтина. С. 8—9), указывающих на сравнительно раннюю стадию в развитии сказки (ср. чукотские сказки и другие сказки народов Севера).³¹ В сказках о животных нет инициальных и финальных формул и устойчивых повторений в самом повествовании. В сказках о Ерше напротив: есть формулы-обращения к слушателям, повторения отдельных элементов повествования («Рыбка опять становится в круг и думает думу вдруг» и др.). Финал повести заключают специальные формулы с комической направленностью («писал стерлядь своим долгим носом, печатал рак заднею клешней»). Иногда в качестве финала предстает целая прибаутка о ловле ерша и приготовлении из него ухи. Если в сказках о животных нет ничего описательного, то в сказке о Ерше описываются разные рыбы с установкой на индивидуализацию характеров (ленивый налим, быстрый елец, деликатный хариус и т. д.). Бахтина рассматривает сказки о Ерше как исключение среди сказок о животных: «В самой природе рыбы меньше характерного выражения, легко наблюдаемых инстинктов и нет ничего, общего с человеком. Рыба нема и холодна. Наделение ее разумом, человеческими понятиями о жизни — чисто условный прием для выражения какой-то общей мысли в целом и определенного типа человеческого (социально четкого) в частности. Каждый образ в отдельности и вся сказка в целом приобретает характер ясно выраженного иносказания (близкого к аллегорическому) и может быть понята только в одном определенном смысле» (Бахтина. С. 41).

Центральный персонаж повести и сказки Ерш Ершович Щетинников, на первый взгляд, — обычный зооантропоморфный образ с двойной природой человека и рыбы. Он безусловно иносказателен, хотя социальная сущность персонажа затушевана: то ли «наемный», «неизвестный крестьянин», то ли «сынчишко боярский»; в одном из списков он определен как «муж-израильтянин» (ГИМ, № 536/855). И в сказке, и в повести это постоянный скиталец, странник, «убогий»: прошел в зимнюю пору путь дальний, «захудался, заморался, заморозился»; голодный и грязный, «бьется-колотится», прося о ночлеге (Рус. сатира. С. 147). Адрианова-Перетц заметила, что во всех списках «одинаково распределение действующих лиц по классам, неясно лишь, кто такой по своему социальному положению ерш», и потому остается невыясненной «идейная направленность повести» (Там же. С. 125, 129).

³⁰ Клиггер заметил, что в немецких сказках есть мотив спора рыб, чьи голоса слышны до самого неба. Возможно, он имел в виду сказку «Камбала-рыба» (состязание рыб на скорость и крики, что сельдь впереди всех). Сюжет не имеет никаких черт сходства с рассматриваемым (см.: Клиггер В. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903. С. 58—66; Гримм Я., Гримм В. Сказки / Пер. с нем. Г. Петникова. М., 1978. С. 442, № 172).

³¹ Сказки народов Севера / Сост. М. Г. Воскобойников, Г. А. Меновщиков. М.; Л., 1959; Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост. Г. А. Меновщиков. М., 1974; Воскобойников М. Г. Эвенкийский фольклор. Л., 1960.

Неясность и намеренное затушевывание социального положения в произведениях фольклора обычно так или иначе связано с действиями скоморохов.³² В песнях с мотивами скоморошин двойственность и неопределенность присущи образам молодца, принимающего вид козы, кота, зуйка и т. п.³³ Неопределенность положения создает безопасную возможность высказать упрек и жалобу. Наглядно проявилась эта установка — намеренно скрыть подлинное лицо жалобщика — в шуточных челобитных.³⁴

В сказках о Ерше эта неясность возникает из того, что, кем бы ни был назван Ерш, его действия не подтверждают указанного социального положения. Лишь в северодвинской сказке проступает его скоморошья природа: «...бусого кота запряг, водяного воробья в задницу посадил, и сам сел» (Мезень. С. 104). В образе Ерша обнаруживаются следы достаточно устойчивой традиции: народных остроловов называли «ершами». В рассказе С. В. Максимова «Швецы» портного-балагура называют «галицкий ерш».³⁵ Известна песня-игра про Ерша-гуляку. Он просится на барский двор «попить, погулять, красных девок повидать» и представляется: «Ерш Ершович Иван Петрович, саратовский гуляка, самарский забияка». В вариантах эта формула сохраняется почти без изменений, опускаются лишь характеристики.³⁶ У него требуют деньги, и пока их мало — не пускают. Ерш жалуется: «Красны девушки гулять нейдут, Молоды жены мужьям берегут, Стары девушки спасаются, В монастырь собираются». Когда денег достаточно, его «взяли во высокий во терём, Положили на высокую кровать, Стали целовать-миловать — и взвеселилась тут ершова голова». По вариантам Поволжья Ерш-гуляка бывает в Самаре и Саратове, гуляет с «горемычными». Б. М. Добровольский, комментируя текст с Мезени, заметил: «Напев — плясовая формула, по стилю восходящая к скоморошьим перегудкам» (Песни Мезени. С. 337).

В повести Ерш считает себя значительнее Леща и лукаво ссылается на известность в среде князей и бояр. Свидетели же утверждают, что его знают ярыжки по кабакам и разная гольтьба. Если исходить из скоморошьей сущности Ерша, то Ерш и свидетели говорят правду. Скоморохов знали князья, бояре, духовенство иногда было не прочь поразвлечься не только в Москве, но и в других городах; скоморохов охотно слушали на торжищах, разного рода гульбищах, ярмарочных площадях и в кабаках. Сцены такого рода запечатлены в произведениях фольклора. В первой редакции повести Ерш говорит не от своего лица, а от всех «ершей»: «Нас, умных людей, за дураков почитаете, ни во что вменяете, того ради вы от своей спеси и глупого высокоумия и погибнете» (Рус. сатира. С. 133). Это высказывание странно для крестьянина или «сынчишки боярского», но естественно в устах скомороха и близко по смыслу известному положению письма П. А. Демидова к Г. Миллеру о «разумных дураках», посылаемых в Сибирь и прошедшую

³² Ах, не нас секут батожьем, у нас спинушки болят...

Ах, не нас вешать вешают, на нас петельки кладут (Соб., т. 6, № 449).

³³ Изв. ОРЯС АН. 1877. Т. 17. № 3. С. 254—256, текст № 19, ср.: КД, № 65.

³⁴ ЖМНП. 1904. № 8. С. 400.

³⁵ Максимов С. В. Швецы / Собр. соч. СПб., 1909. Т. 13, ч. 1. С. 46: «Я галицкий ерш, да и все мы тут, почитай, ерши, и все галицкие».

³⁶ Нами учтено пять опубликованных вариантов текста и два архивных: Соб., т. 7, № 490, 491; Соколовы, № 659; Русское народное творчество Татарской АССР. Казань. 1955; Песенный фольклор Мезени. Л., 1967. № 112 (далее: Песни Мезени); Ф/а, мф. 375.03 (запись В. В. Коргузалова); там же, мф. 2638.09 (запись А. Ю. Кастрова 1985 г. с ценным свидетельством о хороводном разыгрывании, подтвердившим предположения исследователей, в частности Н. П. Колпаковой, об игровом происхождении текста: «Мужики спрашивают вместо ершей, жёнки отвечают»). В текстах Соболевского (т. 7, № 490) и Соколовых (№ 659) вместо Ерша — «Еж Ежович Иван Петрович».

историю поющих (КД. С. 541). Принято считать, что П. А. Демидов имел в виду скоморохов (Ф. Е. Корш, М. К. Азадовский, А. М. Астахова, см.: КД. С. 541—542).

Сложную природу образа Ерша уловила Митрофанова: «Оказывается, Ерш — самозванец в среде богатых и знатных. Он умен и хитер, среди богачеев он „маломочный“. Отстаивая свою независимость, не одну обиду нанес он неповоротливым, глупым, кичащимся своим богатством толстосумам. И больше за это самозванство, за пренебрежение к богачам и власть имущим, за обиды им, а не лешу-крестьянину суд обвиняет Ерша» (С. 167). Кто чинил обиды одновременно и боярам и крестьянам? Скоморохи, как известно из «Гостя Терентишша», не без удовольствия соглашаются полечить его жену, засунув самого в мешок и посмеиваясь над его недалечностью: «Веселые догадались, Друг на друга оглянулись, А сами усмехнулись» (КД. С. 19). Они наказывают за плохие пожелания и торговца горшками, и спесивого крестьянина («Путешествие Вавилы со скоморохами»). Из документов XVII в. и из произведений фольклора известно, что скоморохи обижали и крестьян, обманывая, поворовывая, даже грабя: сказка о воре-гудошнике, песня о краже денег у старухи, к которой просились ночевать, и др. Среди документов о скоморохах неизвестно ни одного, запрещающего им играть в Ростовской земле, и Ерш, вероятно, имел основания утверждать: «Озеро Ростовское мое и тоже дедовское. Дано в век прочно старому Ершу, деду моему». Аналогичный смысл может быть заключен и в устойчивой по форме самоаттестации Ерша: «Не тать я и не разбойник, а доброй человек, живу я своею силенкою, кормлюсь от своей вотчинки». Она может заключать и намек, что «вотчинкой» скоморохов были местности, где им не запрещалось бывать. Ерш неоднократно подчеркивает свою известность во всех слоях народа: «Знают меня на Москве и в иных городех большие князи и бояря, и дворяня, и подъячия, попы и диаконы, гости и в гостинной сотни» (Шляпкин. С. 397). Будь Ерш крестьянином или захудалым дворянином и только, у него не было бы причин хвалиться столь широкой известностью.

Формула «человек добрый» прилагается по разным спискам повести и к Ершу, и к Лешу: «Сом послал за Ершом, добрым человеком» (Аф. № 77), «Ерша, доброго человека, зачем не пустить?» (Пинега. С. 213). Однако более последовательно подчеркивается его колючее остроумие, лукавство, смелость: «Ерш-рыба подходила близко, кланялась низко, говорила смело: „Есть дело?“» (Рожд. С. 110); «Он лукав и речист, и на увертки ловнив, и в ответах скор и смышлен» (Рус. сатира. С. 133). Ерш — мастер «баять басни»: «Ты, Ерш, храбро живешь, много баешь» (Аф. № 80); «костистая рожа, сменистые басни» (разнообразные? — З. В. — Волог. С. 244). Даже в приглашении «ершика кушать» не без умысла добавлено: «И всяких слов его слушать» (Шляпкин. С. 399). Колючесть своей природы Ерш проявляет публично: «И он свидится с нами на стану — а теми острыми своими щетинами подкальвает наши бока» (Аф. № 80).

В характеристиках истцов и свидетелей отразились как бы разные стадии (по времени) отношения к Ершу. Сначала ему сочувствуют: «Приволокся в зимнюю непогожую пору», «Воров, разбойников пускаем, Ерша, доброго человека, как не пустить?» (Рожд. С. 110), но в ряде характеристик есть и настораживающие моменты: «Скитаец по рекам и по озерам, а где тот Ерш выпроситца ночевать, он тут и ож<ен>ихонитца хочет» (Шляпкин. С. 368).

Ерш оказывается к тому же «бразжник», «плут», «блудник», «абмерщик-авборщик», «волочайка и укрывайца», «бездельник», «непотребный человек», «ершишка-воришка», наконец, «лихая образаина, раковые глаза». Для

крестьянина, вовлеченного в тяжбу из-за земли, слишком много не идущих к делу многосторонне отрицательных характеристик. В рукописных текстах выражен безусловный перевес отрицательного отношения к Ершу, чего нет в сказках, и это позволяет усомниться в том, что рукописи появились ранее сказок. Определенный подтекст улавливается и в групповой характеристике ершей: «А нынеча ерши стали болши, откуда взялись, откуда поднялись, ис какой реки, ис какой протоки?» (Рус. сатира. С. 12), как будто пародируется 19-й вопрос 41-й главы Стоглава о скоморошьях ватагах. То же и в 3-й редакции: «Уже тот Ерш начал станицами стоять» (Очерки. С. 154). Если считать, что Ерш — крестьянин или мелкий боярин, то эти утверждения (об увеличении «станец» ершей) не поддаются объяснению.

Наконец, следует заметить, что в традиционный для сказки о животных зооантропоморфный тип привносятся не свойственные ему элементы бытового реализма, конкретности, даже грубого натурализма: Ерш «с головы кос<т>лив, с дыры дрислив», он «по морю побегал и онучу потерял» (Онч. С. 3). У налима «брюхо большое, губы толсты, глаза заплыли, язык короток»: «Судья меня спросит на очи, я ево слюнами забрызжу» (Волог. С. 244). У хариуса «губки тоненьки, платьице беленько», кроме того, «походочка господская, разговорушки московские» (Конашков. С. 115). Создавая двойственную природу персонажей рыбьего царства, авторы использовали и наблюдательность, и мотивы небылиц, и пословицы, и фразеологизмы. Тут и «сом с большим усом», и «красноперый окунь», что помногу охат», и «сорога, что долго ищет к Ершу дорогу» и т. п. Все эти особенности образности в языке сказки о Ерше и делают ее исключением среди сказок о животных, где, как уже отмечала Бахтина, язык прост. Эпически-небыличный облик Ерша в период благоденствия создан путем соединения черт былинной поэтики с подлинными реалиями вроде указания на величину паруса у большого судна — «сорока сажен». «Глава моя была, что пивной котел, а очи — что пивныя чаши, а нос мой был — корабля заморского, вдоль меня было семь сажен, а поперек три сажени, а хвост мой был — что лодейной парус. И яз бока свои о берег тер» (Рус. сатира. С. 12).³⁷ След скоморошьяго исполнения сказки о Ерше остался в двух текстах в виде обращения к слушателям, необходимость которого диктовалась неписанным этикетом развлекателей-профессионалов по отношению к публике: «Слушайте-послушайте, стольники-полковники, про рыбное судьбище, про Ершово побоище!». Это уличный клич, сзывающий слушать не сказку, а скорее представление про Ерша. Другой зачин краток и обращен, видимо, к хозяйке дома: «Благослови, мати, Ерша читати!» (Волог. С. 244; Потанин. С. 523).

В композиции повести о Ерше диалоги занимают большую часть текста. Романова считала, что диалог особенно оживляет сказки о Ерше: «Этот прием как бы драматизирует произведение» (С. 419). Следует заметить, что большую часть содержания диалог занимает именно в списках повести, а не в сказках. После жалобы Леща, которой начинаются списки, судьи выясняют, есть ли свидетели, обсуждают, кого за ними послать, кого за Ершом. Пристав (карась или окунь или елец-стрелец) является за Ершом, последний учит его вежливости: «Ты бы не так пришел, не то слово нашел: „Батюшко Ерш, здорово ли живешь, хорошо ли бридишь, далеко ли

³⁷ Ср. известный портрет царя Калина: «А головеще — что ведь люто лоханище, А глазища — что пивныя чашища, А нос-то на роже — он с локоть был!» (Гф. № 48, стихи 42—44, 114—116). Былинной же формулой выражена угроза Ерша: «Хочет все Ростовское озеро разорить, как головней покатыть» (Смирнов. № 107, 223). Ср. в былине: татары «хочут Киев-град разорить да головней покатыть» (Гф. № 207, стих 37).

видишь?»³⁸. Наконец Ерш является на суд, а пристав приглашает в понятия разных рыб, те отговариваются. Лещ характеризует свидетелей, Ерш их отводит; судьи допрашивают Ерша, свидетели отвергают или подтверждают его показания и т. д. до окончательного решения суда. Возможно, что именно при перенесении разыгрываемого сюжета на бумагу появились краткие ремарки: «Судья спросил Леща», «Ерш сказал», «Сельдь сказала». В некоторых списках реплики страннее: «И рыба Ерш стал на суд к ответу да говорил». Иногда диалоги сокращены, переданы косвенной речью или опущены. Так, в 1-й редакции нет пререканий Ерша с приставом. Но независимо от полноты содержания любая редакция повести имеет замечания к диалогам в виде ремарок, что, возможно, указывает на факт драматургического использования текста.

Следует заметить, что в сказках сцены суда обычно нет (за исключением: Аф. № 77, 78). Упоминания же о судьбище есть. Обычно суд вершит одна какая-либо рыба: Кит, Палтус, Петр-Осетр и прочие по жалобе Леща или группы рыб. Вероятно, сказки сократились в процессе устного исполнения, сцена суда заменилась пересказом и забылась, от нее сохранялся в памяти только образ судьи, та или иная рыба — в зависимости от местной традиции. Некоторые списки повести сохранили сказочный зачин: «В некотором царстве, в некотором государстве <...> уряжен был суд» или: «Бысть в некотором граде Ростовскаго уезду суд». Отдельные списки повести даже сохранили в названии слово «Сказка». Адрианова-Перетц заметила, что авторская речь в повести напоминает речь опытного сказочника, который лишь слегка помогает слушателю следить за ходом событий, но сам почти не вмешивается в рассказ» (Рус. сатира. С. 145). Отчетливо выраженная и местами хорошо сохранившаяся ритмика речи, рифмованные формулы 1-й и 2-й редакций и избыточные в 3-й и 4-й говорят о присущей ранее текстам о Ерше сказовой форме речи, позволяющей легче хранить их в памяти. В повести можно обнаружить и явные следы переделок языка сказки: если в сказках «щука-трепетуха», то в повести эпитет раскрыт: «Щука трепеснула и руку приложила»; в сказках «рак — печатной дьяк», в повести: «Печатал рак-глазун левою клешнею». Из сказок вошли в повесть и формулы: «Сом с большим усом», «Секретарь Осетр головой трясет» и др. Детальный анализ текстов показывает, что повесть создана на сказочной основе, обработанной литературно, но сохранившей местами следы сказки и в языке, и в стиле повествования.

Устойчивые эпитеты персонажей рыбьего царства запечатали «старинную традицию скоморошьего балагурства» (Лихачев. С. 195): «Линь толстой, а ум простой», «Лещ-лещище, широкое хвостище». Формулировка наказания Ершу как будто целиком заимствована из грамот о скоморохах: «Бить батоги», «Бить кнутом по торгом». В повести суд посылает «память» губернскому старосте рыбе Севрюге: «Учинил бы наказание на мирском дворе, бил батоги нещадно <...>, а доправя с него, Ерша, все протори и убытки, <...> велел бы его, вода по торгом, бить кнутом» (Шляпкин. С. 399; Сах. С. 173).

В сказках же сохранено более благодушное отношение к Ершу: его высылают в другое озеро или море, а то возвращают «на прежнее жилище, на свое пепелище». Если же приговор суров, Ерш вовремя успевает убежать:

³⁸ Скоморохи учат этикету крестьянина и торговца горшками в былине «Путешествие Вавилы со скоморохами»: «Ты не мог добра да нам ведь здумать, Ишша лиха ты бы нам не сказывал» (Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. М., 1904. Т. 1. № 85, стихи 86—88, 124—126). Скоморохи, возможно, были в глазах народа знатоками этикета, поскольку их авторитет в массах зависел от умелого обращения и с отдельными хозяевами, и с толпой на площади.

«Видит неминучу — затыкат голову онучей, чтобы бежать и следу не знать» (Волог. С. 244), ныряет в тину (Сев. Двина. С. 105; Пинега. С. 215). Посланные «гонцы во все концы» Ерша не находят. Не означает ли это благодушие, что сказки возникли и исполнялись раньше повести, в то время, когда скоморохи еще не вызывали сильного раздражения властей, т. е. в XVI в.? Концовка повести в 3-й редакции содержит прямой намек на скомороший характер Ерша: «Ерша батогами и кнутами стегали, из Ростовского озера выжили вон с родом и племенем и со всем приговором», и он «шибся в поморские реки и страны, учал [там] воды мутить и гузном вертеть» (Рус. сатира. С. 155).

Включенная в тексты небылица о пожаре Ростовского озера объясняется обычно тем, что с XV в. в документах это постоянная ссылка: «А грамоты сгорели в пожар». Абсурдности факта горящего озера не придавали значения. Между тем мотив горящей воды, горящего моря, снега известен в сказках разных губерний, где не обнаружен сюжет с Ершом: в Воронежской «Снег горел, соломой тушили, много народу порешили» (Купр. № 22), в Пензенской «Когда это было? — Когда горела вода, а соломой тушили» (Анис. С. 99), в смоленских набылицах: «Сине море все повыгорело, Бела рыба вся повылетела» (Шейн. № 962). К этому же ряду фактов можно отнести поговорки типа «Меж глаз деревня выгорела» (Казанс. С. 106). Мотив горящего Ростовского озера почти обязательно присутствует в комических диалогах: «— А что, говорят, в городе Ростове озеро сгорело? — <...> Шел я около того озера. Озеро горит, соломой тушат, лежит щука на берегу: хвост отгнил, голова отгорела, а туловище в друго озеро пробирается» (Мезень. № 150). В казанском варианте: «Я слышал, что в городе Ростове озеро выгорело? — Я слышать не слышал, а шел мимо Ростовского озера: в озере рыба плавает, лбы у рыбы сожжены, хвосты подпалены, должно быть, что озеро выгорело» (Мож. № 4. С. 117). В вологодском: «Я слышал, там озеро выгорело? — Случилось мне мимо идти: щуки да караси по лугам, язи да окуньё по елям, а плавает ершишка-голышка, и глазоньки покраснели, перышки подгорели» (Гура. № 66).

О популярности мотива свидетельствуют и скоморошины, где есть стихи: «На синем море, братцы, овин горит, с репою со печеною» (КД. С. 142, АФ. № 428, стих 77 и др.).

Итак, небылицный мотив горящей воды, известный еще в античном фольклоре, присутствует в разных устно-поэтических жанрах, связанных с исполнительством скоморохов в отдаленном прошлом. Возможно, его и разнесли по разным местностям те же скоморохи. Неясно лишь, почему он так прочно прикрепился к Ростову. Конечно, в истории Ростова, как и других городов, было немало грандиозных пожаров (главные, но сравнительно поздние перечислены Баклановой). В «Летописце Ростовском» XVII в. рассказано предание о пожаре в XII в., от которого сгорел город, огонь охватил и храм Велеса на площади: «Когда храм загорелся, то истукан, сделанный из камня многоцветна, сам вышел из него и остановился на Чудском конце города. Когда истукан шел по берегу озера, оно кипело перед ним, как в котле, и выкидывало множество рыбы, а пруд на княжеском подворье выгорел тогда на три сажени глубины» (Титов. С. 34—35). Перед пожаром же над городом стояла «звезда хвостата». Видимо, со временем рассказы о пожаре превратились в легенду, содержащую разные живописные и невероятные подробности, поэтому и были использованы в скоморошьей манере для комической сценки «Что нового в Ростове». Шутка о ростовчанах, в нее иногда включаемая: «Родимое озеро соломой зажигали» (Даль. С. 335), — более позднего происхождения и возникла, видимо, в связи с подледным ловом рыбы «на государя и на ростовского митрополита».

О древности мотива горячей воды свидетельствуют соединенные с ним этиологические объяснения внешних признаков у отдельных рыб: окунь опалил на пожаре перья — покраснели, сорога — глаза, щука почернела, растаскивая головни, и т. д. Возможно, самостоятельно существовавшие фольклорные мотивы были постепенно объединены в один — о рыбьем суде. Проник ли он из Византии через скоморохов или, наоборот, был туда занесен, выяснить невозможно. Видимо, мотив пожара прикрепился именно к Ростову по причине целого ряда обстоятельств и тогда, когда на северо-востоке Киевской Руси известно было одно Ростовское княжество, как наиболее близкое, и все, что происходило в стольном городе Ростове, вызывало особенно пристальное внимание и интерес. Позднее же сохранение названия Ростова в произведениях с этим мотивом было уже просто данью традиции. В каком-то виде байка о рыбьем суде могла существовать и в XV в. «Образующие схему судебные формулы в большинстве своем очень старые. Их знают уже „судные“ и „правые“ грамоты XV-го века», — писала Адрианова-Перетц, заметив, впрочем, что старинные судебные формулы «сохранялись иногда в неприкосновенности и в более поздних документах» (Очерки. С. 140).

Но если язык судебных документов консервативен, то не менее консервативна была, как известно, во времена средневековья и фольклорная традиция. Это особенно заметно в духовных стихах, сказках, обрядовых песнях.³⁹

Сюжет о Ерше, в каком бы виде он сначала ни возник, трансформировался постепенно, насыщаясь местными реалиями, небылицами, балагурством, и сохранил до XX в. печать высокого профессионализма своих творцов, независимо от того, в устном или письменном виде хранилось произведение.

Приписывать создание повести судебным или каким-то канцелярским чиновникам нет достаточных оснований. Главная черта текстов, как мы видели, — наполненность фольклорными элементами. Шляпкин справедливо считал, что отдельные эпизоды повести могли существовать отдельно, например «Байки о щуке зубастой». Таковы эпизоды с обманом сома или осетра, чтобы не пускать их в озеро, или заманивание их в невод. Произведение о Ерше могло возникнуть из отдельных комических сценок и других фольклорных элементов типа анекдотов и шуток. Его могли создать мастера слова, профессионалы, хорошо владевшие многообразным устно-поэтическим материалом, знавшие и местный фольклор и находившиеся в курсе общественных событий и дел. Такое положение занимали при княжеских дворах скоморохи. Перехожие потешники из их среды разнесли это произведение по разным окраинам.

Скомороший характер повести о Ерше подтверждает и прибаутка о его ловле и приготовлении уха. Рифмованная и ритмичная, то подробная, то краткая, она служит завершением повести, некоторых сказок и дважды встречается как самостоятельная сказка (вологодс., пермс.). В списке повести из архива Ф. И. Буслаева она выделена как самостоятельное произведение, отличается наибольшей из всех известных публикаций полнотой текста и имеет заглавие: «Повесть сказуемого Ерша Ершова сына Щетинника и ябедника» (Шляпкин. С. 399). Исследователи не принимали ее всерьез, считая шуткой, белибердой (Костюхин. С. 115). Специальному исследованию этот текст не подвергался. При сравнении известных, полных и

³⁹ «Как правило, сказки <...> живут в относительно стабильных текстах. <...> Это дает основания для отнесения встречающихся в сказках архаических черт к тем эпохам, когда имелись предпосылки для существования их в действительности», — заметила Э. В. Померанцева в своей книге «Судьбы русской сказки» (М., 1965. С. 208).

кратких его вариантов оказывается, что это описание некоего общинного праздника типа братчины в шуточной форме. В подготовке его участвует множество людей: привозят дров, складывают их в печь, прокуривают избу (видимо, стоявшую пустой), приносят воду, моют котел, привозят бочку пива, для ухи приносят лук, чеснок и перец, кроме того, варят кашу. К началу коллективной трапезы приносят скатерть и ложки. Детально перечисляются действия каждого участника трапезы: кто клал дрова, кто мыл чугуны, наливал воды, разводил огонь и т. п. О готовящемся празднике известно заранее: некий Еремка «сел на жеребенка, Поехал по селам, по всем городам, Чтобы все ведали и дома не обедали: Были бы Ерша кушать и всяких слов его слушать» (Карелия. С. 209; курсив мой. — З. В.). Формула «Ерша кушать» являет собою как бы некую всем понятную условность. Из текстов не всегда явствует, что ерш сварен. То сообщается, что Устин, «вынув из верши, Ерша упустил», то за Ерша предлагают деньги, колоду карт, гнездо гусей, даже целого быка, точно речь идет не о маленькой рыбке, а о чем-то другом. В одном из вариантов многозначительно замечено, что теперь уж «Ерш не тот». Иногда прибаутка как бы возвращает слушателя к тому гиперболизированному образу Ерша, который был в основном тексте. Пойманный ерш столь велик, что его везут на саях. «Пришел Карпуха, пощупал ершова брюха и говорит: „Чаю-де, в нем икры много, не как у иного“». Некий старец «вынял из ерша икры ставец» (Сев. Двина. С. 104), а «Савва — полпуда сала» (Перм. С. 126; в вариантах — полтора и три). Староста Анос попросил ерша «воеводе в поднос», но «мир» против: «И всем миром закричали, далече ерша умчали: мы-де воеводе иной рыбы купим, а ерша сами слупим!». Наконец, ерша раскладывают на четыре блюда, но достается не всем: «Ненила об ерше повыла, Елизар тарелки облизал, Улита с поглядки сыта» (Смирнов. № 291. С. 749). Повествование все время балансирует между намеками на человеческую сущность ерша и подчеркиванием его рыбьей природы. Случайно уцелевшие детали некоторых текстов позволяют полагать, что в первоначальных вариантах этой шуточной прибаутки действующими лицами были и скomorохи. В вологодском тексте упомянут «плясовой Яков», это он «с четырех блюд один ерша смякал» (Волог. С. 244). В остальных вариантах слова «плясовой» нет, а просто «Пришел Яков, один ерша смякал» (Аф. № 556). В каргопольском фрагменте сказки «Веселой Вавило — взял ерша на вилы» (ИРЛИ, Р. V, к. 275, п. 1). В других вариантах — «Пришел Вавило». В ярославском, также фрагментарном, тексте некий Филипп «приехал на сивой лошаденке и хвост в зубах».⁴⁰

В пяти текстах упоминается о возникшей было драке среди участников: «пришел Мина, мякнул Демида в рыло» (Аф. № 556), «Пришел Вавило да как чесанет Фрола по рылу!» (Лужс. С. 77), «Пришел Корнило, Елизара толкнул в рыло, Ерема да Борис об ерше подрались» (Смирнов, т. 2. № 291. С. 749) и пр. Следствием драки было наказание: «Вот тут-то и начали свидетелей собирать». Но прибаутка не пародирует суд. Сказано кратко: «Хто спил да съел, 20 годов в солдатах служил» (вар.: «в тюрьме отсидел»). «Домой пришел, мельницу поставил. Мельница сгорела — Ищите, где хотите» (Волог. С. 244). Мельница появилась, видимо, в результате упоминания в основном тексте повести, что Ерш после суда «пришел в маленькую речку под мельничную слань». Если все фрагментарно уцелевшие мотивы — часть когда-то существовавшего шуточного текста, то можно предполагать некоторую его и синхронность и противопоставление сюжету повести: ерша поймали, он оказался слишком велик, но был ли он съеден

⁴⁰ Ярославский фольклор. Ярославль, 1938. С. 38, № 5.

или исчез, — неясно, ведь практически его никто не ел, кроме Якова. Он же послужил причиной драки и нового разбирательства и суда, который уже не описывается. Но кто вернулся, отбыв наказание, «мельницу поставил и всех плясать заставил»? Уж не Ерш ли, и не он ли снова исчез — «ищите, где хотите»?

Поскольку во всех редакциях повести и сказках Ерш, претерпев наказание или избегнув его, в конце концов благополучно исчезает, такой финал (без торжества добродетели) мог вызвать недовольство лиц, с которыми необходимо было считаться. Тогда в качестве компенсации появилась веселая прибаутка о ловле ерша, в которой его торжественно съедали всем миром. Но, видимо, тогда же появились характерные для творчества скоморохов варианты с разными намеками и подтекстом, кончающиеся новым исчезновением ерша. Аналогична судьба фрагментов «Старины о большом быке», которые дали повод для возникновения песни-игры о разделе быка, происхождение которой несомненно связано с участием скоморохов в осенних общинных трапезах по случаю убоя обетных бычков.⁴¹

Со временем текст прибаутки о ловле ерша и уже из него забывался, сокращался. Пропало разнообразие и последовательность действия и почти ничего не осталось от описания общинной трапезы. Текст сократился до пустой игры рифмой в трех-четыре именах, появились персонажи позднейшего происхождения: повар, верблюд, дракон. В некоторых вариантах прибаутка, точнее, то, что от нее осталось, действительно производит впечатление белиберды. Однако позднейшие изменения и искажения не могут служить показателем низкой художественной ценности и уровня первоначального текста прибаутки. Он служил чем-то вроде веселой интермедии после разыгрывания сцены с судебным разбирательством или рассказывания самой сказки о Ерше.

Итак, сюжет о Ерше возник в русле древних скоморошских традиций. В нем заключена установка на смеховой тип фантастики. Притягивая разные фольклорные мотивы, он воплотился в форму сказки, а из нее в драматизированную сценку и в таком виде вошел в репертуар скоморохов, которые разнесли его по регионам своего пребывания. При угрозах их социальному статусу и запретах профессии они сами или ценители их искусства позаботились о сохранении этого произведения и записали его, а списки размножились. Передаваемый устным путем текст трансформировался под воздействием локальных фольклорных традиций. Так возникло большое число его вариантов.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Андреев — Андреев Н. П. Сказка о Ерше // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1936. Т. 1.
 Анис. — Песни, сказки / Сост. А. П. Анисимова. Пенза, 1962. С. 176.
 Аф. — Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1984—1985. Т. 1—3.
 Бакланова — Бакланова Н. А. О датировке повести о Ерше Ершовиче // ТОДРЛ. Л., 1954. Т. 10.
 Бахтина — Бахтина В. А. Эстетическая функция сказочной фантастики: Наблюдения над русской народной сказкой о животных. Саратов, 1972.
 Волог. — Синозерский М. А. Сказка про Ерша // Живая старина. СПб., 1898. Вып. 2. С. 244.
 Гура — Сказки. Песни. Частушки / Под ред. В. В. Гуры. Вологда, 1965.
 Даль — Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.

⁴¹ Подробнее см.: Власова З. И. К вопросу о традиции в фольклоре («Старина о большом быке» в свете историко-этнографических данных) // РЛ. 1982. № 2. С. 177—178.

- ИРЛИ, Р. V — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской АН, Разряд V (Фольклорный архив), к. — коллекция, п. — папка, № — единица хранения.
- КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Л., 1958.
- Казанс. — Магницкий В. К. Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Казань, 1888.
- Карелия — Русские сказки в Карелии. Петрозаводск, 1947. С. 205—212.
- Конашков — Конашков Ф. Сказка про Ерша Ершовича // Карелия: Альманах Союза сов. писателей. Петрозаводск, 1939. Кн. 1.
- Костюхин — Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987.
- Крюкова — Крюкова М. С. Сказка о Ерше // ИРЛИ, Р. V, к. 147, п. 2, № 13.
- Купр. — Сказки А. К. Барышниковой (Куприяники). Воронеж, 1955. С. 99.
- Лапиц. — Лапицкий И. П. Демократическая сатира XVII в. и русское народное творчество (повесть «Шемякин суд») // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. № 173. Сер. филол. наук. Л., 1954. Вып. 20.
- Лихачев — Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 194—196.
- Лужс. — Смирнов И. К. Сказка про Ершишку // Сказки Ленинградской области. Л., 1976.
- Ляликов — Ляликов Ф. Список с рукописной старинной сказки // Моск. телеграф. 1832. № 18. С. 291—293.
- Мезень — Сказки и предания Северного края / Запис. И. В. Карнауковой. Л., 1934. № 150.
- Митрофанова — Митрофанова В. В. Народная сказка о Ерше и рукописные повести о Ерше Ершовиче // Рус. фольклор. Л., 1972. Т. 13.
- Мож. — Можаровский А. Ф. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, острогах, стишках и песнях. Казань, 1875.
- Онч. — Ончуков Н. Е. Северные сказки. Пг., 1909. № 1. Ерш.
- Очерки — Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937.
- Перм. — Зырянов А. Ерш // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. № 9.
- Пинега — Озаровская О. Э. Пятиречье. Л., 1931. № 25. С. 213—217.
- Потанин — Песни и прибаутки, записанные Г. Н. Потаниным в д. Аксентьевой в трех верстах от Никольска // Живая старина. СПб., 1899. Вып. 4.
- Псковс. — Смирнов А. Сборник великорусских сказок. Пг., 1917. Т. 1. № 107.
- Ровинский — Русские народные картинки / Собрал и описал Д. А. Ровинский. СПб., 1881. Кн. 1. № 173.
- Рожд. — Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Запись текстов, вступ. статья и коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941. № 30.
- Рус. сатира — Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира. М.; Л., 1954; 2-е изд. — М., 1977.
- Ряз. — Смирнов А. Сборник великорусских сказок. Пг., 1917. Т. 2. № 223.
- Сах. — Сахаров И. П. О Ерше Ершовиче сыне Шетинникове // Сахаров И. П. Русские народные сказки. СПб., 1841. Ч. 1.
- Сев. Двина — Народное творчество Северной Двины / Сост. В. В. Митрофановой и Л. В. Федоровой. Архангельск, 1966.
- Смирнов — Смирнов А. Сборник великорусских сказок. Пг., 1917. Т. 1, 2.
- Соб. — Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1895—1902. Т. 1—7.
- Соколовы — Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
- Соловьев — Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1960—1966.
- Титов — Титов А. Д. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885.
- Ф/а, мф. — Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской АН, мф — магнитофонная запись (указан номер).
- Финдейзен — Финдейзен Н. Д. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до XVIII века. Пг., 1928. Вып. 1.
- Шейн — Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. / Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1.
- Шляпкин — Шляпкин И. И. Сказка о Ерше Ершовича сыне Шетинникове // ЖМНП. 1904. Кн. 8.